Тобирама в раздражении прикрывает глаза, которые против воли то и дело прилипают к пустому столу. Отсутствие Учиха… напрягало. Уж себе-то он мог признаться, что за это время привык к ее присутствию рядом, похожему на уютный огонек в камине. Да, именно так девушка воспринималась в сенсорном плане и не только. Само общение с ней создавало впечатление… тепла. Настолько непривычное и странное, что он не мог расслабиться раньше, а стоило ей взять выходной при возвращении Мадары, как ему становилось не по себе.

Он не понимал ее!

Сенджу в раздражении помассировал переносицу. Не помогло. Он постоянно отвлекался, работоспособность падала.

Учиха — зло! Чертовы екаи!

Переносица уже болела от слишком сильной хватки. Тобирама с раздражением отбросил бумаги, все равно не получается сосредоточиться. Взгляд невольно прилип к соседнему столу. Плавным линиям, блестящей столешнице, удобному, мягкому креслу, который смотрелся сиротливо без меховой накидки. Мадара, будто издеваясь или на что-то специально намекая, притащил шкуру неизвестного животного с шерстью точь-в-точь, как на его воротнике. Хаширама тогда подтвердил, что чертов Учиха лично его добыл.

Зубы скрипнули, при воспоминании о красноглазом ублюдке портилось настроение. Разум подсказывал, что не только из-за подобных угроз. Оба понимали, что друг друга не тронут, только не сейчас, когда перемирие держится на тонком волоске и Учиха нуждаются в нем еще сильнее, чем Сенджу. Нет, не так, уж себе-то можно сознаться, что главная причина перемирия еще вчера сидела рядом и сосредоточенно проверяла документы. Именно из-за нее Мадара согласился.

Необъяснимая злость сдавливает горло. Тобирама сквозь зубы выдыхает воздух. Самоконтроль трещит по швам. Даже отсутствие надоедливых неко не спасает, только злит. И пусть он может найти пушистых гаденышей без особых проблем, но не в этом же дело!

Тишина угнетает. Это для него в новинку. Он ловит себя на мысли, что ему не хватает шелеста листов, тихого мурлыканья неко, редких негромких слов, которые не всегда несут в себе вопрос или желание посоветоваться.

Учиха плотно засела в мыслях! Проклятые родственники тенгу — не дают покоя, даже когда на глаза не показываются!

Тобирама закрывает глаза ладонью, едва понимает, что все так же с напряжением пилит взглядом пустой столик. Ровные линии стопочек с самой различной информацией — раздражают. Тщательно вымытая кисть, новый, будто ни разу не использованный, чернильный камень — вызывают страстное желание резким движение смести со стола. Забытая, словно в секундной небрежности, канзаши — сломать ее к биджу и, бросив на землю, топтать до состояния пыли!

Подавить не присущие ему порывы, удается с трудом. Давно он не чувствовал такого. Еще с того времени, как его брат стал общаться с Мадарой. Неприятно осознавать, но его действия Хаширама по-прежнему считал чуть ли не предательством. И не пояснишь, что делал все ради брата.

Рука кажется неподъемной, тяжело давя на глаза. Себе-то можно признаться, что делал подобное совсем не из-за этого. Нет, волнение присутствовало, но главным шло не оно.

Ревность. Удушливое чувство скапливается в груди. Так похожее на то, что он испытывал тогда.

Бред. Тобирама не может признаться в этом даже самому себе. Не может он испытывать такого только из-за взявшей день перерыва Учиха. Точнее, взяла-то не она, ей его взяли.

Даже в мыслях он не может заставить себя назвать ее Сумико-чан, как брат, или даже более интимно, как величает ее Мадара — Суми-чан.

Губы дергаются в раздражении. Он уверен, что она бы не стала поправлять, а просто бы посмотрела с легкой смешинкой. Она вообще не любила ругаться, одним присутствием гася конфликты. Ее быстро стали слушаться даже Сенджу, а это о чем-то говорило. Он лично слышал, как пара молодых (да, они его ровесники!) соклановцев с жаром обсуждали эту Учиха. Один из них — результат союза с Узумаки, так тот вообще чуть слюной не исходил, напевая дифирамбы теплу ее чакры. И он понимал, самого успокаивали теплые оранжевые переливы в восприятии, с ужасом осознавая, что понимает из-за чего его противник — Изуна — избрал именно ее.

Биджев Учиха! Даже померев продолжает причинять неприятности!

Сенджу никому не говорит, но он почувствовал в девушке биение жизни еще в момент той пародии на переговоры. Он все же сенсор и заходил с ней в ту беседку одновременно. Вначале решил, что это жена Мадары, после посчитал, что показалось. Тяжело было понять правду, его тогда, как и остальных больше интересовали способности куноичи, не просто же так она заняла место брата Главы Учиха. В таких делах не может быть ошибки.

Слабая кровь. Тобираме хочется плеваться, вспоминая, как услышал этот гадкий шепот за спиной девушки. Он ведь тогда чуть не прибил того Учиха, чудом сдержавшись, и не прогадал. Девушка даже шаринган не активировала, запаковав в иллюзию соклановца так, что он пикнуть не успел, не спасло активированное додзюцу, что уж говорить о скидывании гендзюцу? И это при шалящих гормонах, общей усталости из-за нагруженности и отсутствия нормального сна, и просевшем из-за не первого месяца беременности контроле.

Чертова Учиха! Да ему страшно представить, что было бы, если бы эту «слабую кровь» выпустили во время его сражения с Изуной! Одного ее ученика — Кагами, хватит, чтобы ужаснуться, ведь тот маленький монстр, чья скорость не намного ниже его, и это не считая иллюзий! Опасен уже сейчас, что будет стоит ему набраться больше опыта? Радует то, что он

на их стороне, а ведь он честно признает, что слабее своей наставницы. Невольно испытываешь восхищение, он-то уже успел осознать уровень парня, еще пара лет и тот будет на равных с ним и мог бы представлять угрозу даже Хашираме.

Сенджу нервно передергивает плечами. Паранойя тихо нашептывает, что сумевшая добиться внимания Мадары и Изуны девушка не может быть обычной, настолько мирной и не испытывающей ненависти к нему, главному виновнику смерти одного из братьев, сделавшей Учиха уязвимыми. Признание в том, что она была наложницей младшего, смотрится ложью. Слишком сильна и горда для такого, это проскальзывает в движениях. Куда непредсказумей Изуны, но чакры в разы меньше. Даже движения плавные, гибкие, будто у кошки. Такие гуляют сами по себе, а не дают загнать в клетку.

Он не может понять… чертова Учиха!

Желание сбросить стопочки отчетов уже со своего стола, подавляется с трудом. Резкий выдох и он просто встает, убирая бумаги. Ярость клубится внутри, играет под кожей. Взгляд опять застревает на чужом месте. А ведь в Резиденции нет не только ее и брата, Мадара тоже отсутствует. Красноглазый ублюдок решил остаться рядом с девушкой и та вряд ли была против. Перед глазами невольно появляется картинка-воспоминание о гуляющих под ручку Учиха.

Кулаки сжимаются до хруста, на столешницу падает пара капель крови. Удушливая волна подымается изнутри.

Биджевы Учиха! Проклятые тенгу!

Тобирама не оставляет на своем месте даже клона, перемещая себя на самый дальний из возможных полигон. Не чувствуя боли впечатывает кулак в дерево. Протекающий неподалеку ручей, будто отвечает на его настроение, вздыбливая воду, не дожидаясь команды. Это чуть отрезвляет, заставляет выдохнуть сквозь сжатые зубы, но образ чертовой Учиха в домашней одежде и с улыбкой расставляющей на столе еду — не уходит, сменяясь на еще более

провокационный, где Мадара даже не пытаясь скрывать, осторожно обнимает ее, удерживая будто величайшее в мире сокровище, а рука ласково ложится на уже не скрытый живот. В своем доме, она надевала более простую одежду, бандаж, несмотря на все ухищрения, доставлял ей дискомфорт. Впрочем, ему было так же известно, что защиту с живота она позволяла себе убирать только когда рядом Мадара.

Проклятый ублюдок! Красноглазая тварь!

Макивара под рукой разлетается, от слишком большого количества чакры, что он невольно выпускает, тоже самое происходит с землей под ногами. Чуть восстановившийся контроль — разлетается, грозя уничтожить остатки здравомыслия. Ярость Сенджу можно потрогать руками. Тобирама с тоской понимает, что самовнушение уже не спасает. Себе-то можно признаться, что вызывает такую реакцию.

Биджева Учиха… — даже в мыслях слышен жалобный стон. Тем противнее осознавать, что даже отсутствие интереса с ее стороны ничего не значит. Это идет у него изнутри. Лишь взгляд Хаширамы — четко очерчивает грань. Внезапно ставшая тяжелой рука — пригвоздила к земле.

Он должен собраться, откинуть неуместные чувства. Он уже сделал одну… нет, две ошибки. Первая у реки, вторая, когда в полной мере воспользовался шансом, что дал ему подставившийся Изуна. Специально подставившийся, и он понимал почему. Видел, смотря на Мадару. Если он так оберегал ее всегда…

Биджев Учиха… Чертова красноглазая тварь…

Тобирама с уже не сдерживаемым стоном закрывает глаза. В его положении слабость — недопустима. Третью ошибку брат не простит. Да и сделать ее он не сможет. Уж себе-то стоит признать, что Сумико в угол загнать не получится.

Взгляд невольно падает на невозмутимо устроившуюся неподалеку кошку. И не поймешь ведь, ниннеко это или обычная. Впрочем, обычная бы сбежала сразу, как только он появился. Эти прохвосты слишком хорошо чуют чужое настроение. Да и не могут обычные комки шерсти смотреть такими глазами, с издевкой обмахиваясь хвостом. Будто интересную игрушку увидела, тем неприятнее осознавать, что эта игрушка — он.

— Я не сделаю глупостей, — кривая усмешка, еще недавно, он и не подумал бы с ними говорить, а вот сейчас — пожалуйста. Слишком хорошо понимает, что стоит сделать шаг, как его погребут под лавиной мохнатых телец. Видел едва ли не священное для каждого Учиха место — Кошкин Дом. Личное детище Сумико.

Чертова Учиха, когда же ты уйдешь из мыслей?

Уже не ярость, не тоска, скорее тоскливая обреченность. И будто завершающий штрих — воспоминание о доброй улыбке, теплой, согревающей чакре, которая будто вода, просачивается сквозь любые барьеры. Ему даже сосредотачиваться не надо, чтобы найти спрятавшийся в квартале Учиха огонек.

Биджева Учиха… почему мы не встретились раньше?

Продолжение следует…

http://tl.rulate.ru/book/54040/1912234